

ЭМИ СИЛЬВЕР

ЭМИ СИЛЬВЕР

ВОССОЕДИНЕНИЕ

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44
С36

Серия «MustRead — Прочеть всем!»

Amy Silver

THE REUNION

Перевод с английского *Н.А. Кудашевой*

Компьютерный дизайн *В.А. Воронина*

Печатается с разрешения автора при содействии
литературных агентств David Higham Associates
и The Van Lear Agency LLC.

Сильвер, Эми.

С36 Воссоединение : [роман] / Эми Сильвер ; [пер. с англ. Н.А. Кудашевой]. — Москва : Издательство АСТ, 2017. — 352 с. — (MustRead — Прочеть всем!).

ISBN 978-5-17-098554-8

Джен, Эндрю, Лайла, Натали и Дэн. Они были лучшими университетскими друзьями и искренне верили, что их дружба устоит перед любыми ударами судьбы. Но ужасная трагедия изменила их жизни навсегда...

Теперь, семнадцать лет спустя, они вновь собираются в доме Джен во Французских Альпах, где когда-то были так счастливы, — встречаются, еще не зная, что в ночь снежной бури им предстоит посмотреть в лицо своему прошлому. Задаются вопросы. Звучат обвинения. Раскрываются старые тайны. Чем же эта ночь закончится для каждого из них?..

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-17-098554-8

© Amy Silver, 2013
© Издание на русском языке
AST Publishers, 2017

*Посвящается маме,
с огромной любовью*

Я бы хотела поблагодарить Лиззи Кремер и Джиллиан Холмс за их полезные советы и бесконечное терпение. Благодарю также Гарриет Мур, Летти Смитерс, Глинн Хокинс и Джейми Уилдинг.

Пролог

Воскресенье, 10 марта 1996 г.

Здравствуй, красавица!

Привет из дождливого Корка. Надеюсь, у тебя все в порядке.

Вот захотелось черкнуть тебе несколько слов. После того как я вчера вечером получил твое сообщение, я долго лежал без сна и думал о том, какой я идиот, и как мне повезло, что ты у меня есть, и как я жалею, что заставил тебя плакать. Господи, я так виноват. Прости.

Так вот, прошлой ночью я не мог спать, все думал о том, какая ты была расстроенная, и хотел снова тебе позвонить, хотел услышать твой голос, но боялся, что ты уже спишь и я тебя разбужу. Так что в конце концов я встал и спустился вниз, нашел в кухонном шкафу открытую бутылку «Бушмилс» и выпил все до конца. Предполагаю, что это виски Ронана. Он меня убьет. Вероятно, мне лучше уехать из города, прежде чем он обнаружит пропажу.*

Но я отвлекаюсь от темы. Главное, что я сидел там, в темной кухне, и думал о том, сколько счастья ты принесла в мою жизнь.

Я вернулся в постель и все равно не мог уснуть, поэтому стал прокручивать события в голове, от начала до конца —

* Сорт виски. — Здесь и далее примеч. пер.

так я иногда думаю. Бывает, я прокручиваю «Крестный отец-2» или весь фильм «Славные парни», сцену за сценой. Прошлой ночью я думал о нас. О том последнем дне во Французском доме, перед отъездом домой.

Все лето там было восхитительно, а потом, в последний день, угораздило разразиться дождем — с утра зарокотал гром, и небеса разверзлись, и я был уверен, что крыша не выдержит и мы все насквозь вымокнем. Прошлой ночью я думал о том дне и проигрывал его в голове, сцену за сценой.

За ночь вдруг похолодало, и утром мы растопили камин. Дров почти не осталось, поэтому кто-то должен был пойти за ними в сарай под хлещущим дождем, и жребий выпал бедняге Эндрю. А у него было сильное похмелье, помнишь? Единственное, чего ему хотелось, это завалиться обратно в кровать, но Лайла бы этого не допустила, так что он потащился на улицу, и поскользнулся, и упал на обратном пути, и порезал руку, и твердил нам потом про это весь день.

Впрочем, все было отлично, правда? Потому что сосед-фермер, тот ворчливый хмырь, принес нам сосисок и яиц (небось обрадовался, что мы уезжаем), так что мы поджарили большую яичницу и сидели, запивая ее галлонами кофе и болтая ни о чем, потому что делать больше было нечего и все страдали после выпитого. Мы строили планы, уже мечтая о следующем лете, когда снова сюда вернемся. Ревущий в камине огонь, запотевшие стекла, запах сосисок и кофе и стучащий за окном дождь. И ты сидишь рядом и держишь меня за руку под столом, ослепительная, просто роскошная — и это после того, как накануне выпила почти столько же красного вина, сколько сама весишь, а спала меньше трех часов. Как тебе это удастся? Ты просто колдунья. Должно быть, так.

Господи, как мне не хотелось уезжать. А сейчас я жду не дождусь, чтобы туда вернуться. Ждать осталось уже меньше четырех месяцев.

В какой-то момент (кажется, это было после того, как мы решили, что уже достаточно поздно открывать новую бутылку вина) Нат заявила, что просто не может вернуться в Англию той же самой девчонкой, какой уехала, поэтому потребовала, чтобы Лайла отрезала ей волосы. Помнишь, ты

была в ужасе? Ее длинные каштановые волосы кучей лежали на полу, а Лайла орудовала ножницами, словно какая-то зловещая маньячка. А потом она закончила, и Нат выглядела блестяще: крохотный эльф с огромными зелеными глазами. Дэн с Эндрю были потрясены и все пялились на нее, будто никогда прежде не видели.

Наконец дождь закончился, и Дэн заставил всех выйти на улицу, чтобы он мог сфотографировать нас, дом, нас перед домом, нас на фоне каменной стены, нас на фоне долины, на фоне горы, нас, нас, нас. Вы, девушки: ты, Лайла и Натали — позировали у стены, как супермодели, три красавицы, а Эндрю валялся на мокрой траве и стонал по поводу своей больной головы и порезанной руки. У тебя есть эти фотографии? Мне кажется, я никогда их не видел. Хотелось бы получить их, повесить на стену.

Снова пошел дождь. Ты взяла меня за руку и сильно ее сжала — сказала, что кружится голова и ты чувствуешь себя не в своей тарелке, как это бывает у тебя с похмелья, а я ответил, что ты почувствуешь себя лучше, если выпьешь еще. Поэтому мы все пошли в дом и пили красное вино и остатки того жуткого сидра и танцевали под Генсбура и Донну Саммер. Ты помнишь, когда мы пошли в постель в ту ночь, когда улеглись на матрасе в задней комнате, мы были едва живые, животы болели от смеха. (Кстати, я тебе говорил, что у тебя самый прекрасный смех, какой я слышал?)

Это были лучшие дни, верно? Ничего, в сущности, не происходило, ничего особенного. Мы просто ели, и пили, и танцевали, и смеялись, и я никогда не был счастливее.

Я прокрутил тот день в голове минувшей ночью, и когда проснулся сегодня утром, все мои мысли были только о тебе. Я бы хотел всегда помнить, какими мы были в тот день, что мы чувствовали — ты, я и все остальные. Мы должны держаться за это счастье. Говорят, оно не длится бесконечно.

Мама передает привет.

Жду не дождусь, чтобы увидеться с тобой, красавица, хочу тебя до боли.

Вся моя любовь с тобой.

Конор

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава первая

Декабрь 2012 г.

Когда Джен уже раз в четырнадцатый за этот день поднялась по лестнице, она заметила на одной из каменных ступенек каплю крови. Надо отчистить, подумала она. Позже. Когда закончит подготавливать спальни, когда проверит, что в ваннах нет ни пятнышка, когда раскинет постельные покрывала и сотрет пыль с подоконников, когда убедится, что в кухне и гостиной достаточно сухих дров, когда разместит в вазах цветы. Белые чайные розы для Эндрю и Натали, кроваво-красные орхидеи для Лайлы. За ними она ездила на машине к шикарному флористу аж в Драгиньян, почти два часа туда и обратно. Смешно, наверно, но в то утро это казалось важным. Придать дому дух гостеприимства. Она не могла решить, что купить для Дэна: пионы казались слишком женственными, лилии — похоронными, гвоздики — слишком дешевыми. В конце концов она купила маленький горшок с черными бархатными петуниями, который поставила на письменный стол у окна, того окна, что выходит на заросли деревьев позади дома и поднимающуюся за ними гору.

После покупки цветов она потратила еще триста с лишним евро на яркие покрывала для кроватей и для дивана внизу, на диванные подушки в цветных чехлах с пронзительными африканскими принтами, на темно-красный ковер для гостиной. Это было запредельной глупостью,

ведь через пару недель ей придется запаковать все обратно. И что со всем этим делать? Она даже точно не знала, куда после этого поедет. А сейчас, поставив розы на сундук во второй спальне, той, которую предназначила для Эндрю и Натали, она спросила себя, не было ли это все напрасным. Джен стояла у окна, глядя на долину, и ежилась; было три часа дня, и свет за окном почти погас, неумолимо надвигались угольно-серые облака. Внизу было включено радио; прогноз погоды изменился. Плохая погода, которую предсказывали на середину следующей недели, перенеслась на несколько дней раньше, на выходные, но, глядя сейчас на небо, она сочла даже этот прогноз чересчур оптимистичным. Казалось, что вот-вот разразится буря. На земле после случившегося пару дней назад сильного снегопада лежал толстый слой снега, но дороги пока были чистыми. Если буря разразится слишком скоро и выпадет много снега, дорога будет занесена и ее гости никогда сюда не доберутся.

Закончив с цветами, она пошла в ванную, намочила тряпку и вытерла кровь на лестнице. Это она порезала палец, разделявая к обеду бараний бок. Обычное дело, но по какой-то причине ей показалось, что вытирание крови предвещает что-то зловещее. Краем глаза она вроде бы заметила в полутемном доме какое-то движение; ей сделалось страшно. Она спустилась, растопила камин в гостиной и включила все лампы.

Но даже с зажженными огнями и горящим камином, с новенькими яркими покрывалами и диванными подушками, несмотря на все старания Джен придать дому обжитой вид, он казался пустым и холодным. До ее приезда сюда два месяца назад он больше года стоял незаселенный и так и не избавился от этого налета заброшенности. Чтобы дом стал прежним, живым и уютным, требовалось время, думала она, а также люди, вещи. Из Парижа Джен привезла не так уж и много: одежду, книги и кухонную утварь, ноутбук и радиоприемник, больше, пожалуй, ничего. Остальное по-прежнему было здесь, упакованное в помеченные ее именем коробки, ожидающие отправления в место назначения.

Впрочем, дело было не только в одиночестве, дело было во времени года. Ветер пронзительно выл в долине и прорывался в дом, свистя сквозь щели под дверьми и дребезжа старыми витражными окнами. Это был первый раз, когда Джен приехала сюда зимой, и теперь вот бродила по дому, не снимая с плеч одеяла.

Атмосфера этого места менялась зимой. Становилось слишком тихо. Летом слышалось звяканье коровьих колокольчиков, блеяние овец в полях, рокот тракторов вдалеке, птичье пение. Зимой ничего этого не было, и глубочайшее спокойствие лишь в редких случаях нарушалось звуком грузового мотороллера, одного из этих забавных трехколесных фургончиков, тархтящего по пролегающей внизу дороге, или неожиданным треском дров в камине, который всегда заставлял ее испуганно вздрагивать. Эта тишина лишала ее присутствия духа, звенела в ушах. Приходилось включать радио, чтобы ее заглушить. А по ночам она оставляла радио включенным, чтобы заглушать другие звуки, не дававшие ей спать: поскрипывание деревянных балок, шепот или завывание ветра в кронах деревьев за домом, ужасный плач лис, похожий на плач брошенных младенцев.

Холод можно было учуять по запаху. Летом воздух наполнился ароматом лаванды и розмарина, которые росли на клумбах вдоль фасада. Раньше тут были также выющиеся розы. Аромат древесного дыма, конечно, оставался, но за ним чувствовалось что-то еще, сырое, нетронутое, запах холодного камня, неприятный, будто могильный. Свойства света зимой также отличались. Джен помнила, каким дом был в июле, с распахнутыми окнами и дверями, с закрепленными на крючках ставнями; тогда солнечный свет вливался внутрь вместе с ароматом цветов и трав. Сейчас же ощущение было такое, будто каких-то частей комнат свет вообще не касается, будто она живет в постоянной тени.

И здесь были призраки. Никаких соседей (ближайшая деревня Вильфранш, с населением в 1489 человек, находилась в пяти минутах езды вниз по горе; выше были

только хижины пастухов, а совсем высоко один-два фермерских дома). Только призраки. Они сидели за кухонным столом, они искали дрова для растопки в сухостое за домом, нежно гладили Джен по спине, когда она стояла перед зеркалом в ванной, чистя зубы. Тут был Конор, который стоял на стремянке, обнаженный по пояс, и постукивал ногтями по балке; были Натали и Лайла — они загорали на лужайке перед домом; Эндрю слушал в кухне новости по радио; Дэн сидел на сухой каменной изгороди с записной книжкой и сигаретой во рту.

И вот теперь, сегодня, если позволит погода, они действительно вернуться сюда, те из них, кто сможет это сделать. И в ее сознании они будут в точности теми же самыми. Люди ведь не так сильно меняются, верно? Ее собственная жизнь переворачивалась вверх тормашками не раз и не два, но она ощущала себя почти такой же, как в двадцать один год. Да, немного потрепанной, более круглой и медлительной, но, по сути дела, не сильно отличающейся от себя прежней. Те же убеждения, те же пристрастия. Она, как и раньше, любила все, что связано с языком, словом, любила Оффенбаха, парусный спорт; обожала море, но ненавидела пляжи; обожала собак, но не тех, что держат парижане и которые умещаются в сумочках. Она и сама не знала, было это однообразие ее недостатком или чем-то, чем можно гордиться. Ей нравилось думать об этом как о чем-то таком, что предполагает силу характера, но иногда она задавалась вопросом, не означает ли это, что ее просто заклинило.

Она нервничала и не находила себе места. Сейчас, когда их прибытие неотвратимо приближалось, она почти желала, чтобы пошел снег. Она представила, что вот они уже во Франции, вот уже спешат сюда, к ней, и ей вдруг стало страшно. Но назад пути не было. Она почувствовала напряжение в животе: было ли то от нервов или давал о себе знать ребенок, сказать трудно. Она не могла отделаться от чувства, что, возможно, совершила ужасную ошибку. Она пошла в кухню и налила себе бокал красного вина, стараясь

не испытывать по поводу этого чувства вины. В конце концов, она провела в этой стране почти двадцать лет, а француженки считают это пустяком.

В паре сотен миль к югу, в гостиничном номере в Ницце, худая девица полулежала на кровати, опираясь спиной об изголовье, и ее длинные светлые волосы не вполне прикрывали голую грудь. Она наблюдала, как ее любовник беспорядочно закидывает в чемодан свою одежду.

— Тебе лучше сегодня остаться, — сказала блондинка. — В горах пойдет снег, и ты застрянешь на дороге. Остайся со мной. — Сказав это, она приподняла левое колено и, ухватив пальцами ноги прикрывающую ее простыню, сдвинула ее чуть ниже, обнажая еще несколько дюймов* своей бледной плоти. Она прикусила нижнюю губу. Глаза встретились с глазами Дэна. Тот рассмеялся.

— Я не могу остаться, Клодия, моя приятельница ждет меня. Все равно твой самолет отправляется в полночь.

— До этого еще много часов, — ответила она, как можно соблазнительнее надувая губки. Она еще больше подтянула к себе левую ногу и сдвинула простыню в конец кровати, оставшись совершенно нагой.

Дэн сел на край кровати и наклонился над ней, чтобы поцеловать. Она крепко обвила его руками, притягивая к себе. Спору нет, это было соблазнительно, вся она была соблазнительной. Мало того, она была особенной.

Они пробыли в Ницце три дня. Там проходил кинофестиваль, мини-фестиваль, множество достойных некоммерческих фильмов и гневных документальных фильмов, сделанных двадцатитрехлетними юнцами с экстравагантной растительностью на лице. В сравнении с ними он был стариком и, можно сказать, безумно успешным, что в их глазах, конечно, означало «продажный». Им еще предстоит многое узнать. В любом случае было трудно чувствовать себя оскорбленным, находясь в номере люкс в «Пале де ла Медитерране» с самой красивой девушкой в Ницце.

* Д ю й м — мера длины, равная 2,54 см.

Мысль о том, чтобы остаться с ней, пусть всего лишь на несколько часов, была так сильна, что от нее почти невозможно было отказаться. Почти. Потому что он должен ехать. Нет, не просто должен; он хотел поехать. Сказать, что его интерес возбудило электронное письмо Джен, свалившееся на него как гром среди ясного неба месяц назад, — значит ничего не сказать. Дженнифер Донливи, девушка, которая сбежала, удрала. Девушка, которую он не видел сколько там, лет шестнадцать? Она хотела с ним встретиться, она пригласила его и, конечно же, других обратно во Французский дом. Написала, что дом продается и что им, возможно, захочется увидеть его в последний раз.

Если когда-либо ему и делали предложение, от которого он не мог отказаться, это было оно самое. Шанс вернуться в тот дом, в то место, где, как он по-прежнему чувствовал, во многом началась его карьера. Он обрел все свои лучшие замыслы, написал все свои лучшие тексты, сидя на каменной изгороди с видом на долину со своей необыкновенной записной книжкой в кожаном переплете (подарком от Джен ко дню рождения), куря «Голуаз блонд». Он усмехнулся при этом воспоминании. Что правда, то правда, в те времена он был высокомерным кретином. Сейчас ему было интересно, какие воспоминания взбудоражатся, если он вернется туда, пройдет по тем комнатам. Осталось ли там еще что-то вдохновляющее?

А еще он с нетерпением ждал возможности проехать на своем новеньком «Ауди» по тем невероятным петляющим горным дорогам. Громко включенная музыка, выброс адреналина на крутых поворотах, масса времени подумать. Такого он давно уже не испытывал, это пойдет ему на пользу. Запустит творческое мышление. К тому же им с Клодией будет неплохо несколько дней побыть врозь; это подсластит встречу, подогреет страсть.

Но прежде всего дело было в Джен. Он не позволял себе много о ней думать, он уже давно этого не делал, но как может он упустить шанс увидеть ее снова, выяснить, где она была все это время, что представляет собой сейчас? Она ис-